

бовь... кто же тут захочет смерти!—И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ неожиданно серьезно: — Но она права, я живу только ею, никѣмъ и ничѣмъ инымъ. Гдѣ ужъ тутъ сила духа!

— Ты несправедливъ къ себѣ. А хотя бы то, что ты такъ стойко перенесъ катастрофу и какъ разъ наканунѣ успѣха.

— Успѣха? Нѣтъ! Наканунѣ другой катастрофы, гораздо болѣе страшной. Ты, вѣдь, не знаешь, Володя... Впрочемъ, я давно собирался поговорить съ тобою объ этомъ. Съ кѣмъ же, какъ не съ тобою! Съ Аннусей? Но, вѣдь, она все равно не пойметъ, не захочетъ понять. Специальность женщины, вообще, доказывать, что дважды два есть три или пять. И онѣ это умѣютъ. Вѣдь, убѣдила же меня Аннуся, что я чуть ли не гений.

Борисъ сдѣлалъ движеніе, чтобы встать, но тотчасъ безвольно опустился на диванъ. Его тонкое лицо—лицо римлянина словно постарѣло отъ какой-то внезапно возбужденной муки.

— Я тебя, дѣйствительно, не совсѣмъ понимаю— пробормоталъ Дежневъ.

— Хуже! Я самъ себя не совсѣмъ понимаю. Я и хотѣлъ тебѣ рассказать... Это всегда легче. У меня какъ разъ исповѣдальное настроеніе.—Онъ попытался улыбнуться.—Непріятно только, что нельзя шагать по комнатѣ, какъ раньше. Когда сидишь, слова и мысли какъ-то тяжелѣютъ.

Дежневъ подсунулъ руку подъ его локоть.

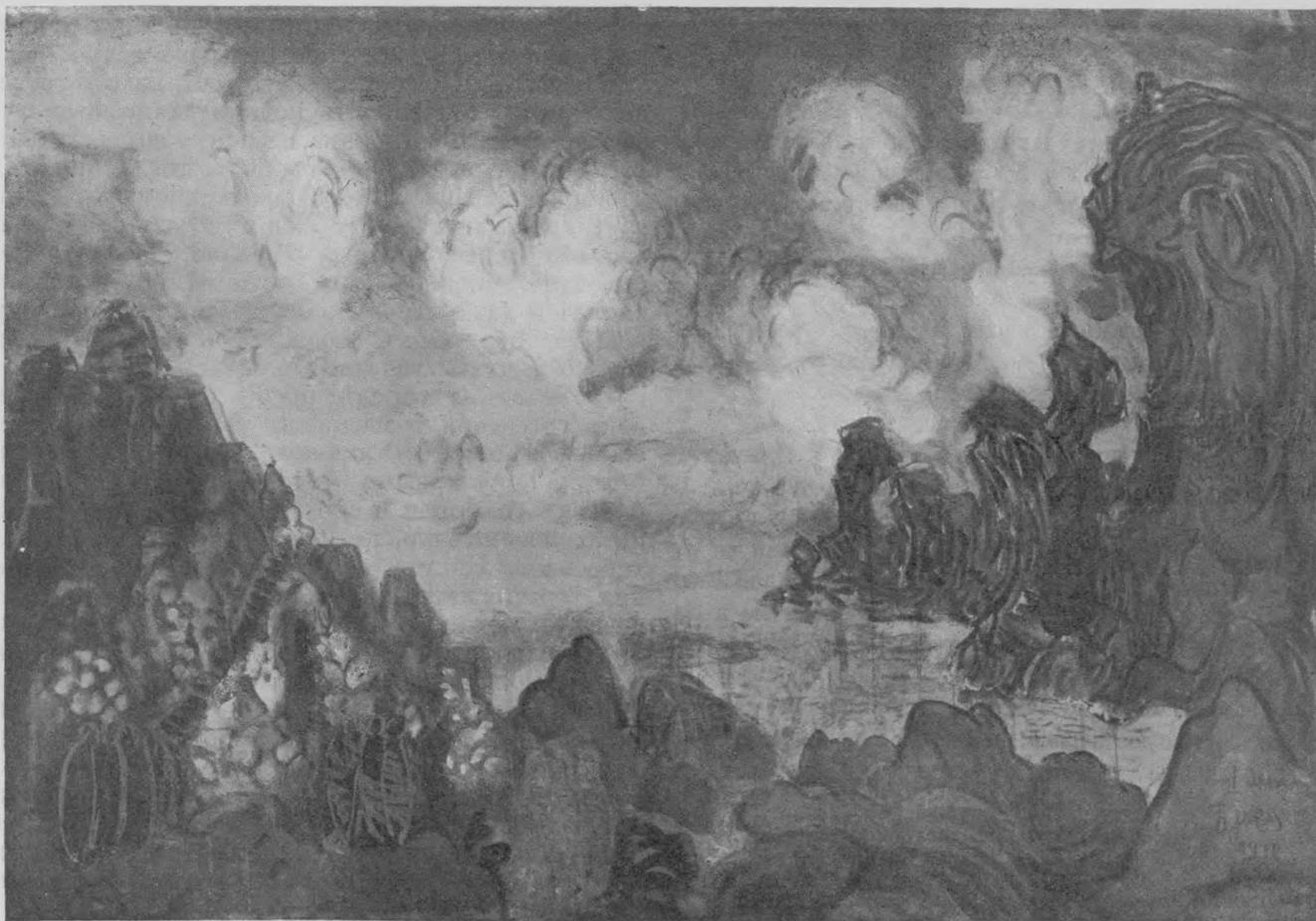
— Вставай!— сказалъ онъ весело.—Со мною ты можешь.

Пріятели поднялись и нѣкоторое время, молча, рука объ руку, прогуливались по гостиной.

— Ты помнишь,—началъ Борисъ,—какъ вы всѣ много разъ уговаривали меня заняться живописью? Пока я былъ трезвъ, я еще умѣлъ смѣяться надъ такими вещами. Но эта мысль часто мнѣ улыбалась противъ воли. Стоило бы вамъ тогда посерьезнѣе приналечь, и я бы, пожалуй, не устоялъ. Дѣлать мнѣ было нечего, а когда-то я рисовалъ недурно, въ юные годы даже мечталъ сдѣлаться художникомъ. Отъ вашихъ соблазновъ я удержался только благодаря своей лѣни. Но вотъ въ моей жизни появилось одно маленькое обстоятельство: имя ему—Аннуся. Она-то и начала меня воспитывать на свой ладъ. Сила въ женщинѣ, Володя, дѣйствуетъ какъ-то исподволь, подсознательно. Въ одинъ прекрасный день я и самъ, незамѣтно для себя, пришелъ къ неожиданному заключенію: что я гублю въ себѣ талантъ, что мой долгъ передъ искусствомъ и чуть ли не веѣмъ человѣчествомъ—показать себя какъ можно скорѣе. Словомъ, я сталъ смотрѣть на свою собственную персону глазами Аннуси. Но я, всетаки, рѣшилъ еще поучиться. Для этого я избралъ Горяховскаго...

— Эту ходячую банальность!—воскликнулъ Дежневъ.

— Все равно. Учитель онъ недурной. Да, мнѣ, вѣдь, нужны были только техническія указанія. Я съ нимъ занимался съ декабря до мая. Compliments, которые мнѣ довелось отъ него слышать, объяснялись, думаю, очень просто: моею щедростью. Но тогда, подъ гипнозомъ Аннуси, я все принималъ за чистую монету. Настроеніе у меня было самое радужное. Я уже предвку-

Б. П. Анисфельдъ.

Эскизъ декораціи къ „Океану“ Л. Андреева.

раньше, потому что не можетъ быть сочтена такою постановка, не очень давняя, на петербургской Александринской сценѣ, хотя она была украшена исполненіемъ В. Ф. Комиссаржевской. Это послѣднее было, несомнѣнно, великолѣпно; прекрасная артистка была въ ту пору въ полномъ расцвѣтѣ своихъ богатыхъ силъ и своей сценической обаятельности. Но тутъ одинъ „праведникъ“ не спасалъ художественно грѣшнаго города... Еще меньше могутъ идти въ счетъ видѣнные нами въ разное время „Фаусты“ нѣмецкихъ гастролеровъ. вмѣсто всеобъемлющей трагедіи, заключающей всѣ метанія и всѣ самоуглубленія человѣческой души, тамъ былъ только Мефистофель, великолѣпно, съ рѣдкою выразительностью и сценическимъ блескомъ, воплощавшійся Поссартомъ, умно, хотя отъ преклонныхъ лѣтъ и не сильно, комментировавшійся Левинскимъ. Рядомъ съ нимъ стояли неизмѣнно какіе то отбывающіе скучную повинность Фаусты, нѣмецки-скучные, безкрасочные, дурные декламаторы, совсѣмъ тонушіе въ лучахъ главнаго гастролера. Я не знаю, кто изъ зрителей можетъ похвалиться, что видѣлъ хорошаго, интереснаго Фауста, который бы удовлетворилъ его хоть въ малой мѣрѣ... А объ остальномъ въ трагедіи, о передачѣ всей ея сложности и важности и говорить, конечно, нечего. Самыя условія гастрольнаго спектакля исключали всякую возможность этого. Такимъ образомъ, въ Россіи Незлобинскій театръ не имѣетъ никакихъ предшественниковъ. въ своей смѣлой попыткѣ. Вотъ еще обстоятельство, повышающее значительность того, что имъ сдѣлано. За Незлобинскимъ театромъ числится теперь, послѣ этой постановки, серьезная художественная заслуга, не умаляемая никакими недостатками его „Фауста“.

Эти недостатки—разныхъ категорій. Не все, прежде всего, безусловно, въ выборѣ нужнаго и ненужнаго для сценической постановки. Цѣликомъ первую часть ставить было, конечно, немислимо, приходилось нѣкоторыя картины или ихъ части выпускать. И не только потому, что трагедія для спектакля чрезмѣрно длинна, но и потому, что кое что совершенно неосуществимо сценически, кое что, хотя бы—въ Вальпургіевой ночи совершенно непонятно безъ комментариевъ. Разобрался въ этомъ театръ не вполне удачно. Онъ сдѣлалъ, для примѣра, ошибку, сохранивъ прологъ въ небесахъ, признавъ за осуществимое то, что въ теперешнемъ театрѣ непременно должно огрубѣть и измельчать. Онъ сдѣлалъ, для примѣра, другую ошибку, пропустивъ сцену Мефистофеля съ ученикомъ, для театра выпрыгнуую, а для цѣлаго трагедіи—нужную. Но если вспомнить, какъ раньше обращались съ гетевскимъ текстомъ, нужно признать, что, во всякомъ случаѣ, выборъ былъ сдѣланъ серьезно, безъ погони за наиболѣе занимательнымъ и общедоступнымъ.

Въ связи съ этимъ надо бы остановиться и на качествахъ перевода, специально для этой постановки сдѣланнаго. Но отбрасывать переводъ, да еще „Фауста“, лишь по тому, что слышалъ со сцены, когда нѣтъ возможности сличать съ оригиналомъ и останавливаться на отдѣльныхъ подробностяхъ,—дѣло совершенно неосуществимое. Можно говорить лишь приблизительно, объ общемъ впечатлѣніи. Смущало, что переводъ—прозаическій, лишь изрѣдка уступавшій мѣсто стиху. Но стихотворный переводъ „Фауста“—это колоссальная художественная работа. Тѣ переводы, какіе имѣются, весьма далеки отъ совершенства. Ихъ дѣлали страстные поклонники Гете и его трагедіи,

Б. П. Анисфельдъ.

Эскизы костюмовъ къ „ОКЕАНУ“ Л. Андреева.

Б. Анисфельдь.

Эскизы костюмовъ къ „ОКЕАНУ“ Л. Андреева.

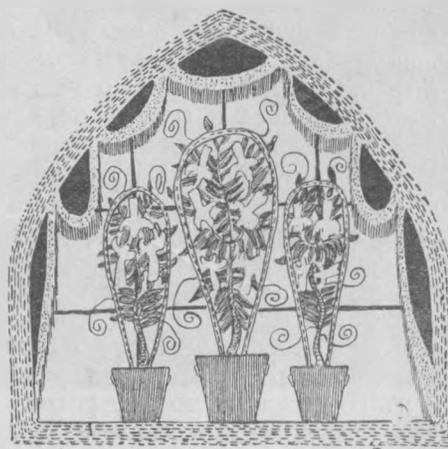
вала его и себя въ угоду какимъ то лживымъ принципамъ, она служила какой то ошибочной теоріи, можетъ быть—модѣ. Простою она не была. Теперь отбросила отъ себя всю эту ложь, и простота, соединяющаяся съ искренностью переживанія, стала лучшимъ ея украшеніемъ. Сначала она, какъ будто, боялась, что выйдетъ у нея Гретхенъ недодѣланною, не выпуклою, замѣтно старалась быть наивною. И это портило, это коробило, какъ всякая поддѣлка. Вѣдь, иллюзіи почти ребенка ей все равно не дать, хлопоты объ этомъ ни къ чему не приведутъ. Она скоро отреклась и отъ этихъ усилий, она стала только жить чувствами Гретхенъ,—и зритель, подчинившись имъ, пересталъ замѣчать, что эта Гретхенъ старше нужнаго, что эта Гретхенъ внѣшнимъ видомъ—не совсѣмъ гетевская, нѣсколько тяжелѣе. Онъ жилъ всѣми чувствами и страданіями прекрасной, поэтической и чистой дѣвушки, онъ жилъ внутреннею красотою образа. И чѣмъ дальше шли сцены Гретхенъ, тѣмъ сильнѣе было такое впечатлѣніе, тѣмъ полнѣе владѣла артистка и вниманіемъ, и сочувствіемъ зрительной залы, хотя начала она свои сцены въ часъ, когда обычно спектакли приходятъ уже къ концу, когда вниманіе было уже достаточно утомлено предыдущимъ. Лучшее въ этомъ хорошемъ исполненіи—молитва, та сцена, когда Гретхенъ, сидя въ креслѣ, мечется въ какихъ то ей неясныхъ чувствахъ, и конецъ въ тюрьмѣ. Нѣкоторое отступленіе отъ основного закона этого исполненія—простоты, которое тутъ замѣчалось, не испортило общаго благоприятнаго впечатлѣнія. Еслибы г-жа Юренева осталась вѣрна тому, что показала въ „Фаустѣ“,—въ своихъ дальнѣйшихъ исполненіяхъ: какая отличная была бы

эта актриса, сколько художественныхъ радостей могла бы она давать!..

У меня нѣтъ мѣста для сколько нибудь подробнаго отчета объ исполненіи остальныхъ, менѣе важныхъ ролей трагедіи. Отмѣчу хорошаго Вагнера, хорошую Марту, интересную, очень живописную вѣдму въ Кухнѣ вѣдмъ, но слабыхъ Зибеля и другихъ завсегдатаевъ Ауэрбаховскаго погребка, и какого то безразличнаго, не выразительнаго, не будившаго никакихъ откликовъ въ зрителѣ—Валентина.

Я уже отмѣчалъ, что субъективныя достоинства этого спектакля—внѣ сомнѣній. Въ моемъ бѣгломъ отчетѣ я старался отмѣтить и все хорошее объективно. Спектакль во всякомъ случаѣ значительный. И если Москва относится къ нему равнодушно,—это говоритъ только объ обидной убыли въ нашей публикѣ интереса къ серьезному въ театрѣ.

И. Эфросъ.

НОВАЯ
СТУДИЯ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И СЦЕНЫ.

№

3

СОДЕРЖАНІЕ

Л. Пименовъ. „Избавленіе“ очеркъ.— П. Эфросъ. „Фаустъ“ Гете на сценѣ театра Незлобина.— Н. Матвѣевъ. Русскій театръ наканунѣ разгрома 1812 года.— К. А. Ковальскій и В. Воиновъ. „Снѣгурочка“ въ Русскомъ Драматическомъ театрѣ.— Л. Фортунатовъ. „Любите жизнь“ пьеса А. Федорова.— О. Ковальская. О Грановской.— Авель. „Подъ маской“.— Вс. Воиновъ. Б. Анисфельдъ.— Проф. Ауэрбахъ. Искусство декламации.— А. Ястребовъ. Провинціальныя замѣтки.— А. Ч. Въ театральномъ бюро.— Хроника.— Объявленія.

Рисунки: 3 эскиза костюмовъ и декорацій Б. Анисфельда къ „Океану“ Л. Андреева. Портретъ Мунэ-Сюлли въ „Донъ-Жуанѣ“; 2 рис. постановки „Донъ-Жуанъ“ Моцарта въ Парижѣ; декоративное панно Турнэ.— Итальянская комедія; Пантомима „Дебюро“ Жюли Клярети въ Парижѣ (1 рис.); Портретъ г-жи Кавецкой.

1912